

Олег Михайлов

Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана...

Посвящаю Людмиле Георгиевне Голубевой

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Ив. Бунин. Слово

Париж, 1986

Октябрь, но в Париже июльская теплынь. И толпы народа на проспектах и бульварах одеты легко и пестро, по-летнему. Пронесются автомобили с опущенными стеклами, распахнуты двери магазинов; прямо на улице на лотках – овощи, фрукты, рыба. Но все это: шум, оживленная толпа, магазины, автомобили, хоть и неподалеку, за углом, здесь не ощущается.

Я стою в начале коротенькой улочки, которую благодарные французы навали именем Жака Оффенбаха. Его оперетки веселы и легкомысленны в чисто французском стиле, хотя и в России их обожали: «Прекрасная Елена» в свое время до головокружения взволновала юного Тему – Гарина-Михайловского, а Немирович прославил ту же «Елену», поставив ее в московском музыкально-драматическом театре со «вторым планом» и «сверхзадачей». И все же оперетта – вещь развлекательная, для отдыха, даже для недуманья. Не «Илиада» ведь, не «Война и мир», не «Жизнь Арсеньева». Автор «Жизни Арсеньева» и провел тут долгие годы, тут и скончался. Беспокойный скиталец, собственного угла не имевший, он и здесь жил внаем.

Дом угловой, шестиэтажный, вполне respectable – «буржуазный». Сейчас из-за тепла и солнца многие остекленные двери за затейливыми решетками (балконов нет) растворены, кое-где опущены жалюзи. Правая, «бунинская», половина дома, вычищенная только что пескоструйным аппаратом, приобрела нарядный вид – светло-желтые и палевые тона. Очевидно, таким он был в конце прошлого века. А вот левая, серая, мрачноватая, выглядит, видимо, именно так, как во времена Бунина, не столь уж отдаленные. И подъезд такой же, и чистенькая прихожая с окошечком консьержки справа. Заменена дверца лифта – на современную, герметическую, но внутри и решетка, которую по-старомодному задерживаешь перед нажатием кнопки, и темно-вишневая деревянная обшивка кабины – те же, «бунинские».

Скорее всего, и бледно-красный коврик дорожки, бегущей по крутым ступенькам винтовой лестницы, – тоже той поры, истертый, но чистенький. Ступеньки очень высокие. Подумал о том, что старому человеку, если встанет лифт, подниматься тяжело. И еще вот о чем. Одно время напротив квартиры Буниных поселились Куприны, приглашенные

Иваном Алексеевичем в Париж. И лестница эта, надо полагать, в иные времена становилась для Александра Ивановича сущим бедствием, если он бывал, что случалось нередко, во хмелю...

Из лифта дверь налево на четвертом этаже. За дверью гремит что-то джазовое.

Да в дверь и не позвонишь: хозяева, французы, вряд ли поймут, почему у иностранца, стоящего перед этой дверью, так сильно стучит сердце.

Я сажусь на ступеньку и гляжу вниз. Мой спутник, знаток русского искусства, коллекционер, славист, профессор Ренэ Герра (он и женат на русской, дочери белого полковника) следует моему примеру. Молчим.

Между тем консьержка-португалка заметила, что проникли мы в дом лишь тогда, когда подбежавший пухлый лицеист набрал неизвестный нам код. Она снизу слушает: дверь не хлопнула. Это ее пугает. Сейчас в Париже все помешаны на террористах: город патрулирует жандармерия с автоматическими винтовками, потоки машин прерываются полицейскими сиренами. Кого-то лихорадочно ищут, и вот консьержка тоже включается в общую игру.

Мы с Герра медленно спускаемся по лестнице, еще стоим в маленьком холле. Затем он принимается фотографировать дом, окна Буниных, меня перед подъездом. Это уже кажется консьержке верхом подозрительности. На плохом французском языке она начинает браниться и грозить полицией. Профессор славистики успокаивает ее – по-народному, теми крепкими словечками, какие любил и в русском, и во французском языке Бунин. Народные аргументы оказываются убедительными, и консьержка удаляется.

Я снова смотрю на дом. А где же памятная доска? Где написано, что здесь – более тридцати лет – жил, работал и скончался великий русский писатель? Только что Герра показывал мне здание, в котором жил Мережковский, – там мемориал есть. И у Николая Николаевича Евреинова, театрального деятеля и драматурга, тоже. А вот Бунин – не сподобился.

Герра мне объясняет, что Мережковского много переводили в Европе, что у Евреинова была очень «пробивная» вдова, но недоумение остается.

Нехорошо мы чтим наших великих земляков, их память...

А на другой день (такой же яркий и солнечный) мы с Герра на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Удивительное кладбище! И не только оттого, что солнце затопляет все светом, что куски его словно шевелятся над каждой могилой, оно не навеивает полагающейся грусти, мысли о тленности всего земного, о собственном неизбежном уходе *туда*. Кажется, строгий, поддерживаемый в величайшем порядке некрополь этот излучает тепло душ тех, кто лежит под надгробиями и крестами.

Сколько имен славных, знакомых!

Мережковский, Гиппиус, Тэффи, Константин Коровин, Константин Сомов, «светлейшая Княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская». «Заслуженная артистка императорских театров Матильда Кшесинская, 1 сентября 1872 года – 6 декабря 1971 года». Мстислав Добужинский, Зинаида Серебрякова, Иван Мозжухин, героиня Сопrotивления Виктория Оболенская, приемный сын Горького генерал Зиновий Пешков.

А вот и мои друзья по многолетней переписке – Борис Константинович Зайцев рядом со своей верной спутницей Верой Алексеевной, племянница и душеприказчица Шмелева Юлия Александровна Кутырина и ее муж, религиозный поэт Иван Иванович Новгород-Северский. Капитана Русского общевойскового союза Александра Алексеевича Сионского, с которым мы – заочно – были особенно близки, здесь нет; его прах на одном

из православных кладбищ под Парижем. В Ницце упокоился поэт и критик Георгий Викторович Адамович. И лишь за океаном еще жив, еще посылает мне весточки поэт Странник – архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Дмитрий Алексеевич Шаховской).

Сколько раз звали они меня к себе в русский Париж повидаться с ними. «Приезжайте к нам, – торопил восьмидесятипятилетний Зайцев. – Много есть, о чем говорить. Я еще пока жив, но торопитесь, помру, некому будет рассказать о доисторическом времени». Но я был «невыездной». И приехал в Париж, когда никого из них в живых уже не осталось.

Стоим у могилы Буниных. Вспоминаю Веру Николаевну и ее первое ответное письмо: «Очень хорошо вы сделали, что обратились ко мне...»

Мы тихо говорим с Герра. Целый пласт нации, смытый «рекой времен»!

А когда опустились сумерки и потух золоченый купол маленькой одноглавой Свято-Успенской церкви (построенной по планам Альберта Бенуа – из славной художественной династии русской), на могилках десятками разноцветных огоньков затеплились электрические лампочки.

Я подобрал рядом с могилой Буниных и привез в Москву комочек земли – желтой, глинистой, горькой земли чужбины.

...Парижская квартира служила Бунину более тридцати лет. Но был у него во Франции и другой, тоже наемный дом...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

**Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66**